

УДК 94[(474.5)+(476)]

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО ДЕЛУ О ШЛЯХЕТСТВЕ ФЁДОРА ЕВЛАШОВСКОГО: ПРИЧИНЫ, ХОД, РЕЗУЛЬТАТЫ

Красинский И.В.

Статья представляет микроисторический анализ разбирательства о «выводе шляхетства» (доказательстве дворянства) Фёдора Евлашовского, рассматриваемого как окно в повседневные механизмы поддержания статуса шляхты во второй половине XVI в. Автором показано как правовые предписания Статутов Великого княжества Литовского (состав доказательств, последствия «наганы шляхетства», режим отказа от слов) вступали во взаимодействие с практиками культуры чести, родовыми сетями и локальной судебной инфраструктурой. Реконструируются причины конфликта (публичное сомнение в происхождении), ход процесса (комбинация гродских выписок и клятвенных показаний по отцовской и материнской линиям, попытка оппонента «свернуть» дело формальным отказом, встречное требование «вывода» для обвинителя), а также решения панов-рады (вызов к доказательству статуса и штраф за неявку). Делается вывод о трёх ключевых механизмах защиты чести: процессуальном (апелляция к норме), доказательственном (пакет письменных и устных подтверждений) и дисциплинарном (санкция за уклонение). Кейс демонстрирует перераспределение бремени доказывания между сторонами и превращение судебной сцены в ритуал публичного подтверждения принадлежности, что позволяло шляхте творчески переосмыслять норму и использовать право как ресурс социальной самоорганизации.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, шляхта, дворянство, вывод шляхетства, нагана шляхетства, Литовская метрика.

JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE CASE OF THE NOBILITY OF FYODOR YEVLASHOVSKY: CAUSES, COURSE, OUTCOMES

Krasinski I.V.

The paper offers a micro-historical study of the lawsuit over the “proof of nobility” (wywód szlachectwa) of Fyodor Yevlashovsky observed as a window into everyday mechanisms by which the szlachta (nobility) maintained status in the later 16th century. The analysis traces how statutory prescriptions of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania (required evidence, consequences of insulting a noble’s honour, the procedure of retracting one’s words) interacted with honour culture, kinship networks and local judicial infrastructure. The narrative reconstructs the causes (a public doubt cast on lineage), the course (a bundle of grod court extracts and oath testimonies along paternal and maternal lines; the opponent’s attempt to terminate the case by formal retraction; a counter-motion to compel the accuser to undergo his own proof), and the decisions of the Council of Lords (pany-rada) to summon and fine for non-appearance. The case reveals three core mechanisms of honour protection: procedural (appeal to statute), evidentiary (combined written and oral proofs), and disciplinary (sanctioning evasion). It also demonstrates the shifting burden of proof between parties and the transformation of the courtroom into a ritual of public confirmation of belonging, whereby the szlachta creatively reinterpreted the norm and used law as a resource of social self-organization.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, szlachta, nobility, proof of nobility, insult to nobility, Lithuanian Metrica.

Вторую половину XVI в. в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) отличала высокая социальная мобильность шляхты и одновременная корпоративизация сословия. В этих условиях юридическая процедура «вывода шляхетства» стала ключевым инструментом не только подтверждения статуса, но и защиты чести, имущественных прав и политической субъектности на локальном и центральном уровнях. Нормативная рамка (Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.) формально предписывала состав доказательств (свидетельства

по линиям отца и матери, «древние грамоты») и ответственность за «нагану шляхетства», однако реальная практика зависела от ресурсов родства, патроната, конфессиональной и локальной культуры чести [5; 6; 8; 10]. В данной статье мы рассматриваем дело Фёдора Евлашовского как микромодель социальной «работы» права: как именно в публичном конфликте мобилизуются документы, клятвенные свидетельства, связи и риторика, и насколько судебная сцена отражает повседневные механизмы поддержания шляхетской репутации [9, с. 335-337; 2; 3].

Кейс Евлашовского – это не только применение статутной нормы к конкретному инциденту (оскорбление сомнением в происхождении), а скорее показатель того, как бремя доказательства и процессуальная инициатива перераспределяются между сторонами, когда на карту поставлены честь и доступ к политическим площадкам (соймики, трибунал) [9, с. 335-337; 4; 6]. Сопоставляя фабулу дела с более широкими наблюдениями по структуре шляхетского общества, родовой памяти и повседневности судов, мы стремимся показать, что «вывод» функционировал как социальный ритуал, где право, культура и политика действовали совместно: от клятвенных формул до опоры на родственные сети и авторитет местных элит [1; 11; 15].

Базовый источник – запись процесса в Метрике Великого княжества Литовского (Литовская метрика), кн. № 272 (1576-1579), книге судебных дел № 58, где зафиксированы повод конфликта, состав представленных Евлашовским доказательств (выписки Новогрудского гродского суда, свидетельства «кровных» и соседей-шляхтичей), реакция оппонента и процессуальные решения «панов рады» [9, с. 335-337]. Нормативный контекст реконструируется по статьям Статутов ВКЛ (ред. 1566 и 1588 гг.) в разделе о «нагане шляхетства», правилах «вывода» и санкциях за отказ от слов и неявку – это позволяет соотнести заявленные ходатайства и санкции с «буквой» права [10]. Для проверки ранней традиции апеллирования к «древним грамотам» привлечён актовый свод И. Даниловича [12], а для предыстории институциональной эволюции – ранние книги Литовской метрики (кн. 6) [13].

Контекстуальные материалы включают классические исследования по устройству судов ВКЛ (гродский, земский), процессу и компетенциям инстанций у И.И. Лаппо [2; 3; 4]; работы Ф.И. Леонтовича о правоспособности шляхты и ставках признанного статуса [5]; труды М.К. Любавского по сеймовой и сословной «архитектуре» Речи Посполитой, где «честь» и политические права тесно связаны [6; 7]. Для просопографической верификации участников и понимания карьеров использованы списки чинов и служебных лиц А. Рахубы [14]. Социально-культурный ракурс (родовая память, стратегии легитимации, локальные нормы чести) обеспечивают гербовники и исследования по «родовым легендам» и практикам подтверждения происхождения (Е. Глинский; В. Семкович) [1; 15], а также методические наблюдения о возможностях и ограничениях мемуарных свидетельств (Н. Улащик) [11].

Методологически исследование сочетает: 1) правоисторический анализ – сопоставление процессуальных шагов с конкретными статьями Статута (требования к составу свидетелей, последствия «отречения», штрафные практики) [10]; 2) микроисторический кейс-стади – «плотное чтение» одного дела как окна в практики повседневного права [9, с. 335-337]; 3) просопографию и сетевой анализ – реконструкцию связей участников (родство, служебные роли, покровительство) по справочникам и судовым записям [14; 2; 3]; 4) культурно-антропологический подход – интерпретацию клятвенных практик, репутационных стратегий и публичной риторики как элементов культуры чести раннего Нового времени [1; 11; 15]. Критика источников учитывает канцелярский характер записи Метрики (сухое изложение значимых для суда фактов) и потому требует обязательной проверки процессуальных элементов на соответствие «обычаю суда» по работам Лаппо и сопоставления с нормами Статута [2; 3; 10]. Такое сочетание позволяет увидеть как шляхта делала право своим инструментом – через документы, клятвы, связи и публичные выступления – и где именно расходились практика и норма.

Документ датирован 21 декабря 1579 г. и представляет собой судебную

фиксацию спора о шляхетском достоинстве между Фёдором Евлашовским – мостовничим пинским, и Степаном Пацкевичем – мостовничим киевским. В деле также упомянуты полоцкий воевода Ян, а также Пётр и Юрий Михайловичи Влехновичи, которые они действовали в связке с троцким воеводой. Источником является книга судебных справ Литовской метрики, кн. № 272 (1576-1579) [9, с. 335-337].

Поводом к процессу послужило публичное оскорбление чести Евлашовского посредством сомнения в его шляхетском происхождении. Этот эпизод имел место в Ляховичах 12 августа 1576 г. при свидетелях, в том числе в присутствии покойного на момент разбирательства виленского воеводы Яна Ходкевича. Факт публичности и круг свидетелей зафиксированы в судебной записи [9, с. 335-336].

Евлашовский представил выписки из Новогрудского гродского суда, подтверждавшие его шляхетское состояние. Дополнительно он привёл свидетелей по двум «кровным» линиям: со стороны отца показал присягу Яронины Зверклипинове, со стороны матери – Ивана Бородича и Кмиту Никифоровича. К этим присягам были добавлены свидетельства четырёх шляхтичей как представителей сословного круга. Комплект представленных материалов перечислен в деле [9, с. 335-336].

Степан Пацкевич лично не явился, сославшись через поверенного Яна Баханского на болезнь. От своего обвинительного высказывания он формально отказался и заявил о прекращении дальнейшего разбирательства со ссылкой на норму Статута 1566 г., раздел 3, статья 22. Данная оговорка зафиксирована в документе как правовое основание заявленного отказа [9, с. 336; 10].

В ответ Фёдор Евлашовский заявил о неизвестности для него статуса самого Пацкевича и потребовал вызова последнего «на вывод» шляхетства. Основанием требования было указание на ответственность за «нагану шляхетства» со стороны лица нешляхетского по разделу 3, статье 18 Статута 1566 г. Позиция Евлашовского и ссылка на соответствующую норму отражены в тексте записи [9, с. 336; 10].

Паны-рада постановила вызвать Степана Пацкевича к доказательству его шляхетства. Ни он, ни его представитель на вызов не явились. За неявку суд наложил денежный штраф в размере 300 коп грошей, что отмечено в финальной части записи [9, с. 336-337].

Разбирательство возникло как ответ Евлашовского на публичную «нагану шляхетства», то есть на оскорбление чести через сомнение в происхождении, что в культуре шляхты рассматривалось как посягательство на корпоративный статус и требовало формальной репарации через суд [9, с. 335-336; 15]. Выбор именно судебной формы указывает на укоренение практики «вывода» как социального механизма самоочищения сословия, когда правовая процедура одновременно исполняла роль символического очищения имени перед «своими» и властями [см.: 15]. Комплект доказательств Евлашовского демонстрирует нормативный канон: выписка из гродского суда как письменный след легитимности и двухлинейное «кровное» свидетельство по отцовской и материнской линиям, усиленное присягами четырёх шляхтичей, что соответствует предъявляемым в XVI в. требованиям к доказыванию статуса в ВКЛ [9, с. 335-336; 10, с. 442]. Апелляция Пацкевича к ст. 22 разд. 3 Статута 1566 г. с формальным отказом от своих слов показывает как процессуальные «выходы» использовались для избежания материальных и символических потерь, не доводя дело до полноценного «вывода» со стороны обвинителя [10, с. 493-494]. Контрдействие Евлашовского – требование вызвать самого Пацкевича «на вывод» и ссылка на ст. 18 разд. 3 о санкции за «нагану» со стороны нешляхтича иллюстрирует стратегию перевода обороны в наступление и использования угрозы тяжкого телесного наказания как рычага давления в споре о чести [9, с. 336; 10, с. 576-577].

Решение паны-рады о вызове Пацкевича к доказательству собственного шляхетства отражает корпоративную логику: суд не ограничился пассивной фиксацией отказа, а потребовал симметричного подтверждения статуса обеими сторонами, тем самым поддерживая «замкнутость» сословной границы [9, с. 336-337; 2]. Неявка Пацкевича и наложение штрафа в 300 коп грошей

демонстрируют, что даже при наличии процессуальной лазейки отказ не ликвидировал ответственность за неисполнение вызова, а экономическая санкция выступала инструментом поддержания дисциплины чести [9, с. 336-337]. Социальная топография участников – мостовничие пинский и киевский, а также присутствие высоких титулов в окружении конфликта – свидетельствует о том, что «вывод» использовали не только магнаты, но и представители служилой «средней» шляхты, для которой символический капитал происхождения конвертировался в служебный и имущественный ресурс [9, с. 335-336; 14]. Публичность первичного оскорбления в Ляховичах и фиксация свидетелей подчеркивают перформативный характер чести: речь и репутация рассматривались как социальные акты, требующие равной по публичности процедуры восстановления [9, с. 335-336; 11].

Ход дела показывает расхождение между духом норм и повседневной практикой: норма ст. 22 допускала «мирное свёртывание» конфликта через отказ от слов, однако полевая тактика сторон перераспределяла бремя доказывания и превращала отказ в уязвимость, если оппонент навязывал встречный «вывод» [10, с. 493-494; 15]. Использованные Евлашовским доказательства демонстрируют приоритет «живой памяти» и присяг, поддержанных локальной судебной документацией, что типично для регионов с неполной сохранностью родовых актов и иллюстрирует зависимость чести от негосударственных каналов репутации [9, с. 335-336; 2; 3].

Институциональный контекст гродских и земских судов важен как инфраструктура удостоверения локального статуса: именно к этим реестрам обращались за «свидетельством» происхождения и правоспособности, а их процессуальные формы придавали социальным слухам легальную силу [2, с. 51-113; 3, с. 263-301]. Включённость панов-рады в процедурную фазу подчёркивает, что защита чести мыслилась делом не частной медиации, а публичного порядка и сословной безопасности, где суд выполнял роль хранителя границ «нас» [9, с. 336-337; 6].

Культурный фактор – риторика чести, клятвы, апелляция к «крови» и

«родовой памяти» – структурировал набор допустимых доказательств, а конфессиональная принадлежность или религиозная аргументация в данном кейсе не вышли на первый план, что само по себе показательно для практики середины XVI в. в пределах ВКЛ [10, с. 442; 15]. Политический фактор проявился опосредованно через упоминание высшей администрации и «сети присутствия», что соответствует общей картине, описанной в исследованиях о кадровых и клиентельных связях в воеводствах: социальный вес патронов усиливал позицию стороны ещё до правовой оценки доказательств [см.: 14]. В сумме дело Евлашовского высвечивает три механизма защиты чести: процессуальный (апелляции к статьям Статута), доказательственный (комбинация присяг по двум линиям и выписок из судов) и дисциплинарный (штраф за неявку как санкция против уклонения), которые действовали совместно и поддерживали сословную «фильтрацию» [9, с. 335-337; 10, с. 493-494, 576-577]. Таким образом, практика «вывода» в данном кейсе не только соответствовала нормам, но и творчески их переосмысляла, превращая правовые положения в инструменты стратегической коммуникации чести и власти внутри шляхетского сообщества [9, с. 336-337; 15].

Рассмотренный кейс показывает, что «вывод шляхетства» в ВКЛ действовал как многофункциональный социальный механизм поддержания сословных границ и коллективной чести. Нормативная матрица Статута 1566 г. задавала минимальные требования к доказательствам и процессуальные развилки, но реальный исход определялся способностью стороны быстро мобилизовать письменные следы статуса, присяжные свидетельства по двум «кровным» линиям и поддержку окружения [10, с. 493-494, 576-577]. В этой конфигурации суд превращался в сцену публичного подтверждения принадлежности, где каждое процессуальное действие имело культурный смысл, а «право на честь» укреплялось через ритуализированные формы речи и клятвы [9, с. 335-337; 15].

Ход дела Евлашовского демонстрирует перераспределение бремени доказывания как ключевой тактики. Формальный отказ Пацкевича от слов,

предусмотренный ст. 22 разд. 3, не завершил конфликт, поскольку контрход с требованием «вывода» уже в отношении обвинителя восстановил симметрию и поставил его под необходимость подтвердить собственный статус [10, с. 493-494]. Решение паны-рады вызвать Пацкевича к доказательству шляхетства и последующая санкция за неявку показали дисциплинарную сторону института, где экономическое наказание защищало не только процессуальный порядок, но и корпоративную репутацию сословия [9, с. 336–337]. Тем самым судебная власть выступила гарантом замкнутости сословной границы, а не просто арбитром частного спора [2, с. 51-113; 3, с. 263-301].

Сочетание источников выявляет и устойчивые, и вариативные элементы практики. Устойчивыми были канон доказательств (гродские выписки плюс присяги по линиям отца и матери) и апелляция к нормам Статута. Вариативность проявлялась в тактических ходах, выборе свидетелей и использовании сетей покровительства, что согласуется с наблюдениями по более широким материалам о «выводах» и внутренней корпоративной культуре шляхты [9, с. 335–336; 15]. При этом конфессиональный фактор в данном деле на первый план не вышел, что подчёркивает приоритет родовой памяти и локальных реестров над идеологическими аргументами в практиках середины – второй половины XVI в. [15].

В аналитическом плане кейс Евлашовского подтверждает три вывода. Во-первых, практика «вывода» не сводилась к буквальному применению статей, а творчески переосмысляла их как язык стратегической коммуникации чести и власти внутри сословия [10, с. 493-494; 576-577]. Во-вторых, институциональная инфраструктура гродских и земских судов обеспечивала конвертацию «живой памяти» и репутации в юридическое подтверждение, придавая слухам и свидетельствам форму допустимого доказательства [2, с. 51-113; 3, с. 263-301]. В-третьих, участие паны-рады и экономические санкции за уклонение подтвердили роль суда как хранителя сословной дисциплины, а не только как регистратора частного примирения [9, с. 336–337]. Перспективой дальнейших исследований видится сравнение подобных дел по различным

воеводствам и уровням иерархии шляхты с более плотной привязкой к региональным архивным массивам и просопографии участников, что позволит точнее различить локальные режимы чести и их соотношение с общеобязательной нормой [см.: 15].

Список литературы:

1. Глінскі Я.С. (і інш.) Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 8. Ч. 1: К (Каборды-Карэцкія). Мінск: Беларусь, 2022. 927 с.
2. Лаппо И.И. Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 1. С. 51-113.
3. Лаппо И.И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 6. С. 263-301.
4. Лаппо И.И. Великое княжество Литовское... (1569-1586). Т. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 780 с.
5. Леонтович Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 7. С. 1-56.
6. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М.: Университетская тип., 1900. 1160 с.
7. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М.: Московская художественная печатня, 1915. 401 с.
8. Малиновский И.А. Учение о преступлении по Литовскому Статуту. Киев: Тип. Импер. ун-та св. Владимира, 1894. 232 с.
9. Мяцельскі А.А. Метрыка ВКЛ. Кн. № 272 (1576-1579): Кніга судовых спраў № 58. Мінск: Беларуская навука, 2015. 437 с.
10. Статуты ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. // ВКЛ: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. Мінск: БелЭн, 2010. С. 436-689.
11. Улашчык М.М. Мемуары і дзённікі як крыніцы гісторыі Беларусі.

Мінск: Пейто, 2000. 86 с.

12. Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów... T. 2. Wilno: W drukarni A.H. Kirkora, 1862. 370 s.

13. Baliulis A. (ed.) Lietuvos metrika. Kn. 6 (1494-1506): Užrašymų knyga 6. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2007. 515 p.

14. Rachuba A. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. VIII: Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV-XVIII wiek. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2020. 405 s.

15. Semkowicz W. Wywody szlachectwa w Polsce XIV-XVII w. Lwów: Nakł. Towarzystwa Heraldycznego, 1913. 41 s.

Сведения об авторе:

Красинский Иван Викторович – аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета; старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и профильных учебных предметов Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Минск, Беларусь).

Data about the author:

Krasinsky Ivan Viktorovich – graduate student of History of Belarus of Ancient Times and the Middle Ages Department, History Faculty of Belarusian State University; Senior Lecturer of Russian as a Foreign Language and Specialized Academic Subjects Department, Institute for Professional Skills and Continuing Education of Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

E-mail: iankrasinski@gmail.com.